

ВОСТОК РОССИИ: КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ НЕКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ?

У же и не счесть, в который раз «Вертикаль» откликается на радужный оптимизм ученых СО РАН, связанный с перспективами отраслевого развития Востока страны...

Вот и представляемое на суд читателя исследование «Натиск на Восток» я бы смело перевел в сослагательное наклонение. Частичка «БЫ!» пригодилась во всех разделах публикации, кроме утверждения о том, что «Россия принципиально заинтересована в развитии энергетических отношений со странами АТРАМ».

Действительно заинтересована и могла бы преуспеть на этом направлении, если бы не ручной режим управления отраслью, сильно подорвавший ее конкурентоспособность.

А ее факторами, отметим, являются (1) государственная политика и регулирование; (2) рынки сбыта и мировая ценовая конъюнктура; (3) рен-

табельность имеющейся ресурсной базы; (4) производственная и транспортная инфраструктура; (5) отраслевой сервис (технологии, оборудование и услуги); (6) опыт и квалификация отраслевых компаний; наконец, (7) состояние фундаментальной и прикладной науки.

И в этой «великолепной семерке» частичка «БЫ!» вот уже почти два десятилетия незримо присутствует в самом важном факторе конкурентоспособности. Вот если бы государственная (еще лучше — национальная) политика и регулирование действительно были бы явью...

Явь-то есть, нет эффекта и эффективности. Стратегической бедой страны стала замена национальной отраслевой политики на корпоративную, в лучшем случае, на набор корпоративных стратегий.

У нас есть и газовые стратегии, и генсхемы, и программы, но все они принадлежат перу «Газпрома», хотя и считаются национальными. А если «Газпром» с его трубопроводной догмой все-таки ошибается?

Мы уже успели, уповая на монополию, свести до нуля потенциал малых и средних газодобывающих компаний, перекрыв им доступ к «национальной» трубе, разубедить «исконно нашу» газовую Европу в надежности своих поставок, не смогли мирно разрешить конфликты с Украиной и Белоруссией.

Мы куб за кубом уступили Китай среднеазиатскому газу (нефти — в меньшей степени), мы проспали формирование рынков СПГ с его терминалами, судами и технологиями, мы вот-вот столкнемся с конкурентными поставками сланцевого газа США в виде СПГ на европейский рынок в объеме 60 млрд м³ (что делает наши «потoki» и политически, и экономически уязвимыми) и таким же СПГ Канады в постфукуси-

мовской Японии, где нам опять не светит...

Мы десятилетиями оттачиваем свое — исключительно словесное — мастерство в необходимости заниматься высшими переделами углеводородного сырья, то строя планы гелиевых и иже с ними заводов, то их так же мотивированно отвергая... То отдаем многострадальную Ковыкту в чужие руки, не зная что с ней делать, то скандалим по ее возврату в лоно «национального достояния» с 49% ненациональной собственности; заодно приводя в бешенство своих «друзей» по обе стороны Атлантики проектами в Ливии и Венесуэле...

Понятно, что это зачем-то нужно «Газпрому», но где уверенность в том, что это нужно всей России?

Второй политический изъясн энергетических стратегий России — распределение прав по понятиям, по-приятельски. Раз «Газпром» и «Роснефть» (а в последнее время и НОВАТЭК) — несомненные друзья власти, им и шельф в руки, и сопутствующие льготы, наделение которыми происходит постановлением правительства, но не общеправительственным законодательством.

А там другие масштабные проекты, там кредитные долги и нехватка инвестиционных ресурсов... Выполнил — не выполнял, когда и сколько, с какой рентабельностью? Тем не менее, эти вопросы у правительства на втором плане, зато руки-то надежные. По Штокману, к примеру, это «зато» вообще чуть не дошло до представления «Газпрому» таких льгот, что на долю государства — включая нас с вами — ничего не оставалось. Хотели как лучше?

Да и «Сахалин-2» был создан не нами, а иностранным консорциумом во главе с Shell. Больше того, имея такой опыт первого СПГ России, страна принципиально отказалась от режима

СРП, этот проект принципиально и создавшего. Поговаривают, что мы отвергли СРП не потому, что так и не научились его качественно готовить, а потому что его финансовые потоки на отдельные ручки не делятся.

И третий промах страны — геологический. Кто бы спорил с тем, что потенциально на Востоке миллиарды тонн и триллионы кубов, но кто сказал, что они рентабельны? Какой год МПР успокаивает цифрами роста воспроизводства ресурсов над годовой добычей нефти при финансировании геологоразведки на уровне, кратно меньшем необходимого. Но где на континентальном Востоке рентабельные, промышленно значимые нефтяные запасы?

Кот наплакал. Того, что компании открыли, рассчитывая на ВСТО и льготные каникулы, явно не хватает для его же загрузки. Еще хуже то, что льготы, не успев дать, государство взяло назад, поставив в затруднительное положение тех, кто в них поверил. Но если иные основные ресурсы сосредоточены на шельфе, то кого мы испугали строительством ВСТО? Уверен, повсеместное игнорирование ГРП если и имеет последствия, то одно печальнее другого.

И раз мы коснулись трубы, то еще несколько слов о транспортной инфраструктуре как о факторе конкурентоспособности. Магистрала у нас в два-пять раз дороже тех, что иными строятся в мире с не меньшим качеством, будь то вода или суша, Аляска или Центральная Европа. Следовательно, окупать мы их будем во столько же раз продолжительнее. Сколь выгоден нации — не «Газпрому» и «Транснефти» — такой эффект от капиталовложений?

Пришло время и рынков сбыта — на конъюнктуру мировых цен влиять мы совсем не можем, хотя она — едва ли не важнейший фактор конку-

рентоспособности: упадет резко цена — пойдем за ниткой по миру со своей ориентацией на экспорт сырья. Счастье государства, когда цены высокие.

Но даже в этом случае на какие быстрорастущие рынки спроса АТРАМ рассчитывает Россия? Китай прекрасно чувствует себя в Средней Азии, постоянно расширяя здесь свое присутствие в добычных проектах, получая удовольствие от собственных капиталовложений и экспортных цен на нефть и газ. Именно об них разбиваются все наши предложения о поставках: задорого Китаю не интересно. А ту нефть, которая ныне идет в Поднебесную, «Роснефть» уже долгосрочно заложила под китайский же кредит. При этом в России продолжающий оставаться тайной уровень цены называется приемлемым, но вот встречный вопрос о том, могли ли китайцы себе позволить такую приемлемость, повисает в воздухе.

Как и проект «Алтай» — не будут китайцы вдвое переплачивать нам лишь только потому, что мы — Россия. А в ситуации отсутствия спроса и/или энергетического «позеленения» Европы и/или низких цен на энергоносители мы рано или поздно будем вынуждены пустить их к себе в «огород». Они-то подождут своего часа, переживет ли ожидания сама Россия?

Япония? Но ее — после сворачивания программ атомной энергетики — намерена спасти от энергетического голода Канада: удобными и традиционными для островной страны поставками СПГ, произведенного по примеру США из сланцевого газа. Остается Корея: трубу туда не протянешь, а весь газ «Сахалина-2» еще до запуска проекта был законтрактован. Кто и что осталось?

И последнее. Да, отраслевой основой государственной политики яв-

ляется инвестиционный режим: стабильный, долгосрочный, прозрачный, привлекательный и для государства, и для компаний. На Востоке он таковым и является? Существующего режима, прежде всего, налогового, уже не хватает для Западной Сибири, где стагнация нефтяной промышленности уже началась. Что же говорить о Восточной?

Автоматический перенос национального инвестиционного режима в восточные регионы лишь увеличивает риски недропользователей. Власть продолжает медлить с реформой недропользования: уровень мировых цен ее не подгоняет. Запрягаем столь медленно, что и быстро ездить разучились?

А ведь у России есть и потенциальные ресурсы, и амбициозные компании с их квалификацией и опытом. Кое-какая выжившая наука. Как и профицит фискальной направленности государственной политики и регулирования. Без законодательно закрепленных стимулов. И если интересы компаний и государства не совпадают, то о каких тоннах и кубках Востока с его не конкуренцией даже по отношению к Западной Сибири говорят ученые мужи?

Важнейший фактор конкурентоспособности отечественной нефтегазовой отрасли на мировых рынках — государственное регулирование — эту способность только снижает.

Отсюда и расхождения в ответах на вопрос: будет ли Россия продолжать сдавать геополитические позиции или создаст на Востоке страны мощный центр экономического развития для продвижения своих интересов в Тихоокеанском регионе?

Упадочный пораженец
НИКОЛАЙ НИКИТИН
«Нефтегазовая Вертикаль»